

Вэй Цзи торопливо принялся оправдываться: — Твой слуга не совершал ничего неподобающего.

В глазах Цзян Яня промелькнула обида: — Обнял — так обнял, а теперь отказываешься признавать.

Услышав это «обвинение» Цзян Яня, Вэй Цзи покрылся холодным потом: — Ваш слуга действительно ничего такого не делал. Я лежал на своем месте и даже не шевелился, это Ваше Высочество сами...

Бросив взгляд на то место, где они лежали вместе с Вэй Цзи, Цзян Янь потупил взор, словно робкая молодая жена: — Да, ты не двигался, двигался я. Ты просто хочешь, чтобы я за это ответил.

Вэй Цзи был поражен громом среди ясного неба — он никак не ожидал, что Цзян Янь произнесет такое.

— У твоего слуги не было и в мыслях ничего подобного, — путаясь в словах и чувствуя, как в голове воцарился полный хаос, пробормотал Вэй Цзи. — Ваше Высочество совершили это непреднамеренно. Прежде, когда Вам было тяжело во время периода течи, бывало и хуже, твой слуга всё понимает.

— Ты что же, упрекаешь меня за то, что я не пришел в твоё Поместье маркиза свататься раньше?

Вэй Цзи замер на месте, не понимая, как Цзян Янь мог сделать столь превратный вывод.

Упоминая период течи, он хотел лишь выгородить Цзян Яня — точно так же, как в детстве, когда он унес чужого щенка, а потом утверждал, будто испугался, что тот утонет в воде.

Цзян Янь выглядел еще более растерянным, чем сам Вэй Цзи, напоминая благородную девицу, которую опозорили. Он закутался в одеяло с головой, оставив снаружи лишь пару темных, влажных от слез глаз, и молча смотрел на Вэй Цзи.

Внутри ароматного мешочка хранился оберег, который Вэй Цзи попросил для Цзян Яня. Каждый год новый, Вэй Цзи дарил их ему три года подряд.

Цзян Янь твердо уверовал, что Вэй Цзи влюблен в него, и как бы тот ни оправдывался, у него всегда находилось логическое объяснение, чтобы убедить себя в наличии взаимных чувств со стороны Вэй Цзи.

Цзян Янь же решил, что Вэй Цзи упрекает его в излишней привлекательности — мол, из-за него Вэй Цзи даже не может сосредоточиться на учебе.

Сифланг был родом из заморских земель: золотистые волосы, бирюзовые глаза, высокие брови и глубоко посаженные глаза. Его подобрало в море судно из Дайюна, и он остался здесь, очарованный здешней культурой.

— Самый похожий, — уголки губ Цзян Яня приподнялись, а в словах сквозили торжество и радость, которые мог заметить каждый. — Стоит мне отлучиться, как он и вовсе бросает книги.

У Вэй Цзи перехватило дыхание, пальцы в рукавах невольно сжались в кулаки. Он тихо произнес: — Твой слуга... все же должен учиться.

Вэй Цзи: — ...

— Что ты хочешь этим сказать? — уши Цзян Яня покраснели. — Говоришь так, будто я какая-то лисица из дешевых романов, что только и делает, что охмуряет ученых. Меньше думай обо мне в свободное время, глядишь, и учеба наладится.

Нравится ли Вэй Цзи Цзян Яню, Цзинь Фужуй пока понять не мог, но вот в том, что Цзян Янь пустил корни глубокой страсти к Вэй Цзи, сомневаться не приходилось.

Цзинь Фужуй прислуживал Цзян Яню много лет и мгновенно раскусил его намерения. С улыбкой он произнес: — Не извольте беспокоиться, Ваше Высочество, я велел вшить внутрь мешочка кожу, так что даже в дождь содержимое не промокнет.

Цзинь Фужуй на мгновение осекся, после чего поспешил подыграть словам Цзян Яня.

Подумать только, он еще воображал, будто тот без памяти в него влюблен! Интересно, кто это тут среди ночи смотрит на портреты и предается тоске?

Вэй Цзи хотел сказать, что намерен учиться и не помышляет о сердечных делах, а о каких-либо вольностях по отношению к Цзян Яню и вовсе не смеет мечтать.

Вэй Цзи не знал, как и оправдаться. Под смущенным, робким взглядом Цзян Яня он тяжело сглотнул, но в конце концов так ничего и не произнес.

Цзян Яню еще предстояло нести траур во дворце, и перед уходом он отдал распоряжение Цзинь Фужую: — Ступай, найди портрет, что нарисовал Сифланг для Меня, и положи его в спальных покоях.

Если не считать первого года, когда на него случайно попала вода, остальные два уцелели и выглядели прекрасно.

Пока Цзинь Фужуй помогал ему завязать ароматный мешочек, Цзян Янь обронил: —

Чиновники из Цяньтяньцзяня говорят, что в ближайшие два дня снова пойдет снег.

Иначе с чего бы Вэй Цзи так рвался покинуть Восточный дворец?

Он сидел, безвольно раскинувшись на кушетке, и ошеломленно глядел на Цзян Янь, не в силах сразу постичь смысл его слов.

Сифланг написал для Цзян Яня два портрета, зато для Вэй Цзи — целых дюжину, и большая их часть хранилась в Восточном дворце.

Цзинь Фужуй опустился на одно колено рядом с Цзян Янем, разглаживая складки на его одежде, и мягко поинтересовался: — Этот тупой раб не сообразил: господин Сифланг написал для Вашего Высочества два портрета, какой из них приказать принести?

Это «он», разумеется, подразумевало Вэй Цзи.

Цзян Янь не удержался и снова добавил: — Все, что Я ему дарил, он бережно хранит, да еще и сложил в сундук у изголовья кровати.

С этим хвастливым тоном и надменным видом...

Цзинь Фужуй невольно усмехнулся: — Раз хранит вещи у изголовья, значит, дороги они его сердцу. Должно быть, молодой господин Вэй то и дело достает их, чтобы полюбоваться подарками Вашего Высочества.

Цзян Янь походил на зверя, которому погладили шерстку против шерсти: на душе у него сделалось так сладко, что хоть мед выжимай, но при этом он все равно продолжал ломать комедию.

— И чего он такой прилипчивый? Скоро от его назойливости у Меня в ушах звенеть начнет.

Цзинь Фужуй: — ...

Вэй Цзи был вынужден провести в Восточном дворце три дня, и все это время Цзян Янь ел куда лучше обычного.

Стоило трехдневному трауру подойти к концу, как Вэй Цзи, толком не оправившись от болезни, заторопился обратно в Поместье маркиза.

Цзян Янь выглядел так, будто у него умерла жена. Провожая Вэй Цзи до кареты, он помрачнел до такой степени, что с лица едва ли не капала вода.

Вэй Цзи сделал вид, будто ничего не замечает, и, опасаясь новых осложнений, быстрыми шагами забрался в карету.

Выбравшись из Восточного дворца, Вэй Цзи почувствовал себя так, будто с его плеч свалился тяжкий груз. Дело было вовсе не в том, что он не хотел находиться рядом с Цзян Янем или не выносил его «странных речей» в последние дни.

Он боялся, что его притворство раскроется. Хотя под конец он действительно заболел по-настоящему, на душе у Вэй Цзи все равно было беспокойно.

Все те дни в Восточном дворце он ел спустя рукава и спал тревожно, вечно страшась разоблачения.

Вэй Цзи всегда отличался предельной осмотрительностью и никогда прежде не лгал столь нагло. Если бы обман вскрылся, неприятностей не миновать всему Поместью маркиза.

Вернувшись домой, Вэй Цзи не стал отдыхать и, волоча еще не до конца окрепшее тело, прежде всего отправился в покои Вэй Цзунцзяня, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Вэй Цзунцзянь только что вернулся из дворца и приводил себя в порядок, когда Вэй Цзи прибыл; тому пришлось ожидать снаружи.

Накануне выпал небольшой снежок, и ветви деревьев во дворе были усыпаны крупинками соли-снега, которые срывал и швырял вниз порывистый ветер.

Во время таяния снега всегда холоднее, чем в снегопад. Вэй Цзи постоял у входа совсем немного, как его руки и ноги оцепенели от холода, а морозный воздух, точно лезвие, полоснул по горлу, заставив подавленно закашляться.

Дверь отворилась, оттуда выбежал слуга и, почтительно опустив голову, произнес: — Господин велел вам войти.

Вэй Цзи поднялся по ступеням, вошел в комнату и поклонился сидевшему в кресле-тайши мужчине. Подавив кашель, он чуть хрипло окликнул: — Отец.

Вэй Цзунцзянь восседал с подчеркнуто грозным видом, источая мощную ауру даже в нижней одежде — сказывалась выправка военачальника.

Заметив вошедшего Вэй Цзи, он с грохотом опустил чашку на стол, подхватил лежавшие рядом наколенники и швырнул их к ногам сына, рывкнув: — Кто позволил тебе проявить такую дерзость?!

Дверь оставалась открытой, и в комнату задувал ледяной ветер, отчего Вэй Цзи качнуло.

Когда сердился и гневался Цзян Янь, Вэй Цзи чувствовал себя разве что неудобно, но перед лицом гнева Вэй Цзунцзяня им овладевал страх, пробивающий до мозга костей.

— Во время великого траура по вдовствующей императрице ты прятался в Восточном дворце, притворяясь больным. Если бы кто-то донес на тебя императору, ты понимаешь, в каком положении оказался бы весь род маркиза? Мало того, ты еще и мастеришь подобные угодливые вещицы — ты что, нас в могилу свести хочешь?!

Вэй Цзи затрепетал всем телом: — На дворе лютые морозы, я лишь хотел, чтобы Вам было комфортно.

Вэй Цзунцзянь, чей гнев еще не утих, бросил: — Ты не о моем здоровье печешься, ты нам погибель готовишь!

Вэй Цзи закусил побледневшие губы и не смел произнести ни слова.

Видя, как тот ссутулил плечи и повесил голову, Вэй Цзунцзянь распалился еще сильнее: — Что я тебе говорил изо дня в день? Выпрями спину! Мужчина должен держаться прямо, сколько раз повторять, а в одно ухо влетело, в другое вылетело?

Вэй Цзи, словно его резко дернули за воротник, мгновенно выпрямился, а на лице его отразился испуг и тревога.

Сделав глоток чая, Вэй Цзунцзянь немного умерил гнев и уже терпеливее принялся наставлять сына в том, как подобает вести себя слуге.

— Его Высочество может позволить себе любые безумства, потому что он наследник престола, хозяин. А ты подумай своей головой, сколько голов у тебя на плечах?

— Как бы ни благоволил к тебе наследник, всегда помни: государь есть государь, а подданный есть подданный. Будучи слугой, знай свое место и соблюдай долг.

— Если ты не понимаешь смысла этих слов, подними исторические хроники и посмотри, как кончили те сподвижники-основатели династии, что помогали императору добывать Поднебесную.

У Вэй Цзи дрогнули веки; опустив взгляд, он с трудом выдавил: — Сын понимает.

Тон Вэй Цзунцзяня смягчился, сделавшись назидательным: — Не принимай каждое слово наследника за чистую монету. То правда, что он признает сам; если же отречется — твоя вина.

Когда они завоевывали Поднебесную, слова императора о том, что, достигнув богатства и почести, они не забудут друг друга, были искренними. Но стоило взойти на этот престол, как подозрительность и страх перед чужим могуществом тоже стали реальностью.

Люди не совершенны, и даже самый мудрый государь способен совершить ошибку.

Монарх — не простой смертный, его гнев влечет за собой казнь девяти родов и реки крови на сотни ли вокруг, вынести такое под силу далеко не каждому.

Вэй Цзунцзянь приказал Вэй Цзи опуститься на колени в фамильном храме и нести траур по вдовствующей императрице столько дней, сколько потребуется.

Он хотел, чтобы Вэй Цзи вынес урок из сегодняшнего дня и заучил наизусть каждое его слово. Рядом с наследником престола, не ведая долга подданного, Вэй Цзи рано или поздно жестоко поплатится.

Уж лучше он сам преподаст ему урок, чем потом это сделает сам наследник, а потому Вэй Цзунцзянь не проявил ни капли жалости. Вдобавок он запретил давать Вэй Цзи еду на целый день и даже велел никому не подносить ему воды.

Вэй Цзи стоял на коленях на циновке для молитв. Мерцающие огоньки поминальных лампочек на алтаре отражались в его глазах, но не могли оживить его увядший облик.

Тело его еще не до конца исцелилось, а от простоя на коленях в родовом храме весь вечер ноги давно онемели и потеряли всякую чувствительность. Губы покрылись инеем, зато щеки горели лихорадочным румянцем.

Исполняя волю Вэй Цзунцзяня, Вэй Цзи раз за разом прокручивал в голове его недавние слова.

С некоторыми из них Вэй Цзи был в корне не согласен: с наследником они были знакомы уже более четырех лет, и хотя Цзянь Янь порой изъяснялся странно, все свои обещания он всегда выполнял и слова на ветер не бросал.

Однако с утверждением отца о том, что государь есть государь, а подданный — подданный, и слуга обязан знать свой долг, Вэй Цзи был полностью согласен.

Он действительно перешел ту грань, что отделяет государя от подданного, а потому нынешнее наказание не вызвало у него ни малейшего ропота — он покорно стоял на коленях.

По заведенному порядку тело вдовствующей императрицы должно было оставаться непогребенным в течение семи дней, и лишь затем его могли предать земле в усыпальнице покойного императора.

До тех пор пока тело не покинет Столицу, Цзян Яню полагалось оставаться во дворце, и в этот период тафу прекращал занятия.

Цзян Янь в принципе не должен был знать о том, что Вэй Цзи отбывает наказание дома.

Но как бы ни выглядел Цзян Янь, когда Вэй Цзи покидал Восточный дворец, сердце его все равно болело за него, а потому он отправил Цзинь Фужуй отнести Вэй Цзи целебный отвар в Поместье маркиза.

Цзинь Фужуй был человеком старой закалки из окружения наследника, много лет верно служившим при Цзян Яне, и Вэй Цзунцзянь, разумеется, не смел относиться к нему пренебрежительно.

Услышав о прибытии Цзинь Фужуя, он вышел встречать его лично.

На лице Цзинь Фужуя играла улыбка, а тон был предельно смиренным: — Зачем же вы сами вышли, господин маркиз, вы ведь ввергаете этого раба в трепет.

Обменявшись с Вэй Цзунцзянем дежурными любезностями, Цзинь Фужуй сразу перешел к делу: — Не догадываетесь, по какому вопросу пожаловал этот раб?

Цзинь Фужуй произнес: — Я прибыл по воле Его Высочества навестить юного маркиза. Во дворце он подхватил простуду, да такую тяжелую, что несколько дней горел в лихорадке и только недавно пошел на поправку. Наследник опасается, как бы жар не вернулся, и отрядил меня доставить лекарство.

Вэй Цзунцзянь растерянно замер: он знал, что Вэй Цзи пришелся по нраву кронпринцу, но никак не ожидал, что тот проявит столь трепетную заботу.

<http://bllate.org/book/18661/1799269>